

Холиков А. А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.

Метатексты сегодня – актуальный предмет изучения в гуманитарных науках. Они позволяют выйти за рамки анализа произведения и подключить к исследованию энергию целого комплекса источников – исторических, социологических, культурологических и др. Книга Алексея Холикова посвящена одному из таких метаобразований – «прижизненному полному собранию сочинений» (ППСС), а точнее – ППСС Дмитрия Мережковского.

Случайно ли в заглавии оказался Мережковский? Кроме личных пристрастий литературоведа (напомним, что данному представителю Серебряного века была посвящена предыдущая монография Холикова), есть и другое обоснование этого выбора, отмеченное в книге, – склонность Мережковского к «компиляции» (с. 62), перестроению своих произведений, что позволяет назвать его «автореференциальным писателем» (с. 264).

Это положение подводит читателя к мысли о том, что ППСС писателя представляет собой не простой набор текстов, сгруппированных в тома по одному-двум принципам, а определенную систему, пронизанную эксплицитными и имплицитными связями. По сути, на доказательство данной гипотезы и нацелена книга Холикова.

Какова же логика этого доказательства? Монография делится на две различные по объему части. Первая – меньшая – имеет преимущественно теоретико-методологический характер: в ней приводится типология полных собраний сочинений и ППСС, определяются основные принципы их изучения, кратко описывается история их издания в XVIII–XX вв. Особое внимание уделяется специфике ППСС, поскольку в его составлении (в отличие от посмертных полных собраний сочинений), как правило, значительную роль играл сам автор. В этом контексте ставится интересная проблема соотношения воли сочинителя и издателя, несовпадения их мотивации при создании нового метаобразования.

Из различных источников А.А. Холиков выявляет список ППСС русских авторов XIX–XX вв., изданных на русском языке (с. 25–28). При их анализе литературовед опирается главным образом на рабо-

ты В.Е. Хализева, где выделяются три основных аспекта познания словесности, заявленные в подзаголовке рецензируемой монографии: текстология, история литературы и поэтика. С текстологической точки зрения характеризуются тип издания, его состав, степень его полноты, принципы расположения произведений, прилагающийся научно-справочный аппарат и т.д. Здесь уже намечаются те «сцепки», которые обеспечивают целостность ППСС: неавторские статьи критико-биографического характера, автобиографические справки, разного рода комментарии, указатели и т.д.

С историко-литературной точки зрения рассматриваются «причины, побудившие автора или издателя к выпуску ППСС», «процесс подготовки такого издания» и «его место в творчестве автора, литературном процессе и даже эпохе» (с. 38). С позиции же поэтики метаобразование может быть проанализировано как единое литературное произведение, организованное, по мнению Холикова, по принципу монтажа.

Вместе с тем наряду с другими метатекстами – циклами, авторскими и коллективными журналами, альманахами, сборниками и проч. – ППСС является «вторичной» системой. Эта идея, конечно, побуждает задуматься о существовании дополнительных, коннотативных смыслов, которые с семиотической точки зрения генерируют переход от первичной знаковой системы к вторичной. Другими словами, отличается ли восприятие отдельно изданного произведения от его прагматики в рамках ППСС? Поначалу кажется, что данная проблема в монографии не исследуется, однако затем она незримо всплывает на фоне разговора о содержательности формы, при изучении конкретных связей между текстами в ППСС. На уровне поэтики речь идет о таких «сцепках», как персонажи, хронотоп, авторское начало, повторяющиеся темы, мотивы, сюжетные ситуации, образы, просто языковые единицы. Безусловно, плодотворным следует признать обращение Холикова к «стыкам» и находящимся в них «авторским микротекстам»: названиям произведений и их разделам, эпиграфам, посвящениям, датировкам и проч., а также к оглавлениям.

В результате ППСС, как отмечает литературовед, дает определенное представление о писательском пути и авторской картине мира. В связи с этим А.А. Холиков, несмотря на предварительные общие типологические презумпции, справедливо указывает на уникальность каждого подобного метаобразования.

Вторую – большую – часть монографии условно можно назвать практической: она посвящена реализации выявленных презумпций

на материале ППСС Дмитрия Мережковского. Она разбивается в соответствии с указанным ранее принципом на три раздела: «Текстологию», «Историю литературы» и «Поэтику», каждый из которых выглядит как самостоятельное исследование того или иного аспекта метаобразования.

Текстологический подход акцентирует внимание читателя на различных вариантах текстов Мережковского, демонстрирующих работу автора над своими произведениями. Вначале Холиков дает критическую оценку существующих исследований в этой области, соглашаясь или не соглашаясь с ними, уточняя, дополняя их своими находками. Затем он сопоставляет два ППСС Мережковского, изданные в 1911–1913 гг. и в 1914 г. соответственно. Здесь литературовед демонстрирует довольно скрупулезную работу с источниками, анализирует причины их публикации или непубликации, композицию метаобразований и их справочный аппарат. Несомненно, что данные текстологические исследования будут полезны для последующей издательской деятельности в этой области.

В рамках историко-литературного подхода, в первую очередь, подчеркивается установка писателей Серебряного века на книго-творчество, на составление больших текстовых образований. Закономерно, что здесь актуализируется гипотеза о едином метанарративе в творчестве Мережковского, правда, никаких дополнительных изысканий в этой сфере не производится. В то же время вызывает большой интерес реконструкция истории создания ППСС, описание взаимоотношений писателя с издателями, основанное на различных, в том числе архивных, материалах.

Раздел «Поэтика» начинается с подробнейшего комментирования «Автобиографической заметки» Мережковского из ППСС 1914 г. Холиков не просто поясняет те или иные факты из жизни писателя, но показывает, как они влияли на его произведения. Этот 75-страничный разбор, очевидно, намекает на то, что биография автора является одним из инструментов «скрепления» его текстов в единое целое. Удачным представляется последующее сравнение «Автобиографической заметки» с критико-биографическим очерком М.А. Лятского, предварявшим ППСС 1911–1913 гг.: эти два текста, естественно, создают два разных образа Мережковского. Холиков отдает предпочтение сведениям, предоставленным самим автором, и рисует примечательный словесный портрет писателя (с. 189–190).

Вместе с тем, на наш взгляд, работа с автобиографическими и биографическими материалами более органично смотрелась бы в

разделе «История литературы», а не «Поэтика». Такие же сомнения возникают относительно следующего участка текста, где Холиков останавливается на «некоторых событиях и лицах эмпирической действительности, которые не вошли в «Автобиографическую заметку», но преломились в произведениях» Мережковского (с. 190).

«Подлинный» анализ поэтики ППСС происходит, когда литературовед рассматривает авторское предисловие к изданию 1914 г. Оно предстает одним из ключевых компонентов, концептуально определяющих структуру метаобразования.

Возможно, главной интригой монографии был вопрос о том, как в контексте своего исследования Холиков будет работать с поэтикой отдельных произведений, входящих в ППСС. Решение проблемы оказалось довольно-таки оригинальным: он сконцентрировался на характеристике «константных компонентов предметного, композиционного и словесного уровней в границах всего собрания» (с. 206), другими словами – основных мотивов и образов художественного и нехудожественного наследия Мережковского, вошедшего в ППСС.

Прежде всего Холиков выделяет в произведениях писателя две «системы семантических полей» – со значением «пол» и «религия». Первое из них включает оппозиции «плоть – дух» и «мужское – женское», второе – «язычество – христианство», «Христос – Антихрист», «историческая Церковь – грядущая Церковь». Анализ воплощения и осмысления этих пар в текстах Мережковского многогранен, содержателен и выполнен на хорошем уровне, хотя дихотомия «плоть – дух», на наш взгляд, сочетается больше с понятием «человек», чем «пол».

Несомненный интерес вызывает и исследование пар персонажей: «отцов – детей», «деятелей – созерцателей», «рационалистов – иррационалистов», – которые часто в произведениях Мережковского приобретают черты «двойников», в том числе внутреннюю амбивалентность. С ними Холиков связывает такие сквозные образы в творчестве писателя, как Сверхчеловек, Прометей, зверь, Антихрист и др. Персонажи характеризуются также в контексте ситуаций «середины», «завершения» и «начала», которые, по всей видимости, можно воспринимать и в сюжетном, и в психологическом свете.

Таким образом, ППСС Мережковского предстает как целое, скрепленное сквозными темами и образами. Возможно, литературоведу стоило еще задаться вопросом о распределении данных компонентов по томам собрания сочинений, о наличии или отсутствии эволюции содержания в этом метаобразовании.

Завершается раздел «Поэтика» кратким анализом заглавий, отсылающих читателя к соответствующим семантическим полям, константным образам героев и сюжетным ситуациям. Приводятся также конкретные примеры стыковочных компонентов, прежде всего авторских «сцепок», помещенных Мережковским в началах и концах произведений.

Название последнего раздела «Вместо заключения» говорит само за себя. Здесь не подводятся окончательные итоги исследования, но продолжается рассуждение об особенностях ППСС: о триаде «тезис – антитезис – синтез» как методе философского конструирования, свойственном Мережковскому, о границах между художественным и нехудожественным наследием писателя, о скрепляющем тексты хронотопе, об эстетическом восприятии таких отрефлексированных метаобразований и проч.

В конце книги располагается очень обширная библиография, в которую входят словари, энциклопедии и справочники о писателях, другие справочные издания, работы о Мережковском (книги, диссертации, статьи, научные исследования на иностранных языках), эпистолярное и связанное с ним наследие писателя. Нельзя не признать ценность этого 63-страничного списка, однако его масштаб и структура не мотивированы (к примеру, только зарубежные работы почему-то дифференцированы по годам), в нем трудно ориентироваться, и в то же время не указаны теоретические труды (например, В.Е. Хализева, А.П. Скафтымова), на которые литературовед открыто опирался в своих изысканиях.

Подводя итоги, отметим, что сильными сторонами монографии в целом являются новаторский замысел, междисциплинарный характер, полиаспектность, большой вклад автора в текстологическую, историко-литературную и поэтологическую области мерезковсковедения. При этом, на наш взгляд, нераскрытым остался теоретический потенциал автора: первая глава в книге выполняла лишь вспомогательную роль без претензий на разработку оригинального инструментария. Время от времени кажется, что исследователь слишком привязан к чужому слову, опоре на авторитетное мнение, иногда звучащее не совсем к месту: так, например, нам не была ясна связь с темой текущего повествования высказываний С. Эйзенштейна о диалектике произведения искусства (с. 268) и Р. Барта о «позировании» в фотографии (с. 270). Бывает, что Холиков, увлекаясь комментированием (одним из его прекрасных умений), уводит читателя в сторону, как это вышло с историей книги И. Виноградова (с. 267),

безусловно заслуживающей внимания, но не в этой монографии. Зачастую не хватает логических «сцепок» между участками текста: например, совершенно неожиданно перед нами возникают эпизоды с «семантическими полями», «ситуациями середины, начала и конца» и т. д. Отсутствие предварительного объяснения хода авторской мысли, должного ее обоснования не столько интригует, сколько мешает чтению. К сфере избыточной и нелогично представленной информации отнесем и стихотворения С.М. Соловьева и Игоря Северянина (во вкладке), посвященные Мережковскому, но, на наш взгляд, не имеющие отношения к проблематике монографии.

В связи с этим книга Холикова иногда кажется также созданной посредством «монтажа». Практически каждый литературовед найдет в ней что-то полезное для себя – и текстолог, и историк литературы, и интерпретатор, и мерезковсковед, и сторонник биографического метода, и почитатель структурализма. Но для того чтобы соединить эти фрагменты в единое целое, приходится прикладывать определенные усилия.

В заключение отметим хорошее издание монографии: строгий и в то же время изысканный дизайн обложки, вкладку с репродукциями портретов, автографов и титульных листов ППСС Мережковского, чуть ли не идеальную редактуру и т. д. Все это органично сочетается с содержанием книги, высокий профессиональный уровень которой, несмотря на замечания, не подлежит сомнению.

Р.Л. Красильников

Сведения об авторе: Красильников Роман Леонидович, докт. филол. наук, доцент, профессор Вологодского государственного университета. E-mail: krasilnikov.rl@gmail.com